

М. В. Мазенова, Т. А. Шарыпина

**ГРАНИ НЕМЕЦКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ
И ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ГЕРМАНИИ
НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА**

На основе анализа трудов отечественных и зарубежных ученых исследовано своеобразие феномена немецкой ментальности в переходную эпоху объединения Германии, а также осмыслен процесс поисков новой национальной идентичности в социокультурном контексте порубежного времени. Проблемы анализируются на основе диахронического анализа национального литературного сознания. Освещаются психологические, социальные, культурно-политические и идеологические причины амбивалентного характера рецепции феномена носителями разделенной нации.

This article studies the works of Russian and international scholars to examine German mentality in the transitional period of the reunification of Germany. Another objective is to analyze the search for a new national identity at the turn of the century in the sociocultural context. To this end, the authors conduct a diachronic analysis of the national literary consciousness. The article identifies the psychological, sociocultural, political, and ideological causes of ambivalence in the reception of the phenomenon by members of a divided nation.

Ключевые слова: литература ГДР, литература ФРГ, воссоединение, идентификация, ментальность, национальные и культурно-исторические коды, идентичность.

Keywords: literature of the GDR, literature of the FRG, reunification, identification, mentality, national and cultural-historical codes, identity.

«Я не боюсь, если Германии не станет», — это начало известного высказывания И. В. Гёте, которое неоднократно вырывали из контекста и интерпретировали в разные периоды немецкой истории по-разному [26, S. 243]. В действительности Гёте хотел обозначить этими словами свое неприятие национализма, централизма, нравственной ограниченности буржуазии и эгалитаризма. Размышляя над историей своего отечества, Гёте склоняется к тому, что своеобразие исторического пути Германии заключается в уникальности культуры небольших центров княжеств с их особой духовной атмосферой и неповторимыми традициями. Это своеобразие федеральных земель всегда отличало Германию от других государств. В то же время раздробленность страны стала одной из причин трагического пути Германии в XX в. и стимулировала процесс поисков немцами своей идентичности в наиболее напряженные периоды истории. Судьбоносным в этом отношении событием

эпохи грюндерства (Gründerzeit, 1848–1873) стало объединение северных и южных немецких земель под верховенством Пруссии в Германскую империю (Германский рейх, Das Deutsche Kaiserreich, 1871–1918). Создание централизованного государства стимулировало центробежные тенденции в немецкоязычном культурном ландшафте и способствовало дифференциации национальных вариантов: германской, австрийской и швейцарской культур.

Поиск современной немецкой идентичности становится одной из актуальных проблем в литературе объединенной Германии. Деятели культуры осмысливают ментальные и социокультурные итоги существования и объединения двух полярных государств на немецкой земле. Литература последовательно запечатлевает и художественно обрабатывает каждое явление, которое так или иначе повлияло на самоопределение немецкого народа в мировой истории [12; 13; 18; 19]. Драматичная судьба Германии в XX в., в том числе эпохальные события второй половины столетия, нашли отражение в литературе.

Э. Ренан еще в конце XIX в. подчеркивал, что история играет решающую роль в определении особенностей нации. Кроме общего географического ландшафта, общего языка, религии и обязательства жить вместе это «наличие общего богатого наследия воспоминаний» из «долгого времени усилий, жертв и посвящений» [28, р. 21], которое составляет суть национального характера. Следовательно, прошлое может быть положительным столь долго, сколько человек или народ считает свои традиции достойными похвалы и ценными для настоящего. Как верно отметил писатель Г. М. Энденсбергер, «кто хочет понять себя и хочет быть в себе уверен, должен себя идентифицировать»¹ [28, р. 22]. Е. Л. Кауганов определяет национальную идентичность как изменчивое во времени коллективное самосознание представителей нации. Фундаментом национальной идентичности является коллективная память, в которой сохраняются воспоминания о важнейших для национального коллектива событиях [7, с. 12].

Согласно профессору Кёльнского университета О. Данну, немецкая идентичность до 1945 г. характеризовалась следующими чертами: 1) великодержавность (имперская ориентация); 2) антидемократичность и антиэмансипаторность; 3) акцент на этническом начале (этническая эксклюзивность) [4, с. 328].

Нацистская диктатура 1933–1945 гг. привела к национальной катастрофе. Первоначально многие немцы переживали 1945 г. как крах нации. Проблема осмысления нацистского режима стала важнейшим элементом самовосприятия послевоенной Германии. Изучение национально-культурной составляющей попало в разряд реакционных [3; 8; 14; 16; 22; 30]. Актуальность приобрели «вопрос о вине» (Schuldfrage), чувство коллективной вины перед жертвами нацистской политики. В данном контексте появляется концепция «конституционного патрио-

¹ Перевод здесь и далее наш. — М. М., Т. Ш.

тизма» Ю. Хабермаса, утверждающая постнациональную модель идентичности, основанную не на культурно-исторической общности, а на универсальных общеевропейских принципах гуманизма и демократии. У многих немецких писателей, например Г. Грасса, который в литературных кругах воплощал собою совесть художественной интеллигенции Германии, сразу возник серьезный вопрос о собственном национальном восприятии. Поколение Г. Грасса столкнулось с расщеплением, раздвоением немецкой национальной идентичности. Восточногерманская писательница К. Вольф отмечала, насколько трудно было забыть связь с такой отрицательной формой идентификации и вспоминала, как в послевоенные годы она, как и многие люди ее поколения, надеялась, что «keine Deutsche sein zu müssen» [28, p. 23]. Ю. Фергау утверждает, что само разделение Германии имело гораздо меньшее значение для самосознания немцев после 1990 г., чем проблема осмысления нацистского периода [32]. Тем не менее послевоенный раскол страны, длившийся более 40 лет, не мог не оказать сильного влияния на дальнейшее формирование немецкой идентичности, если учитывать, что политические, нравственные, общественные ценности ГДР и ФРГ строились на противостоянии.

Объединение Германии стало новым испытанием для немецкой национальной идентичности. Несмотря на то что 3 октября 1990 г. между нацией и государством установилось полное соответствие, это событие не было воспринято немцами однозначно положительно, что становится особенно заметным с течением времени. Еще до падения Берлинской стены М. Вальзер отмечал, что большинство представителей западногерманской интеллигенции к объединению разделенной Германии относятся либо с недоверием, либо с недовольством, в лучшем случае — равнодушно [24, S. 911]. В. Бранд, канцлер Германии в 1969—1974 гг., всегда выступавший за воссоединение государства, впоследствии охарактеризует это событие словом «шизофрения» [24, S. 918]. Г. Грасс, сторонник объединения и член социал-демократической партии Германии (СДПГ/SPD), в 1992 г. в знак протеста выходит из партии и критикует сложившуюся общественную ситуацию. В романе «Необъятное поле» (*Ein wetes Feld*, 1995) Гюнтер Грасс, правдиво изображая ситуацию после объединения Германии, показывает, как политики и общественные функционеры ФРГ развязывают травлю культурных и общественных деятелей ГДР, фабрикуя компромат. Такая кампания в средствах массовой информации действительно была открыта, в частности против Кристины Вольф. Ее биографический во многих чертах роман «Медя. Голоса» (*Medea. Stimmen*) появился в 1996 г., тогда же выходит и весьма противоречивая пьеса «Итака» (*Ithaka. Schauspiel nach den Heimkehr-Gesängen der Odyssee*, 1996) Бото Штрауса, одного из самых успешных и популярных немецких драматургов «с другой стороны». О проблемных вопросах воссоединения Германии он говорит и в драме «Последний хор» (*Schlusschor*, 1991). В 1993 г. в статье *Anschwellender Bocksgesang* Б. Штраус критикует характерный для Запада примат материальных ценностей, массовую культуру, экономику и культурное опустошение западного мира, чем вызывает мощную общественную реакцию [24, S. 923].

Для немецкой литературы «Преодоление прошлого» — это не только анализ нацистского прошлого, но и осмысление разделения страны и последствий ее объединения. После 1989 г. проблема национальной идентичности приобрела новую злободневность, поскольку актуализировались различия в менталитете немцев разных поколений, острым стал вопрос о возможности согласия между людьми, долгое время разделенными Берлинской стеной. Литература Германии в целом оказалась подготовлена к дискуссии о важнейшей национальной проблеме. Однако сам «литературный дискурс» исторических событий Германии XX в. долгое время находился под влиянием высказываний политиков, под давлением средств массовой информации. Писатели едва ли могли выразить несогласие с ними, не возмутив общественность. Яркий пример — речь, произнесенная в 1998 г. М. Вальзером [25], в которой писатель выражал благодарность нацистскому прошлому и заявлял, что для «нормализации» немецкой идентичности необходимо прекратить «длительную демонстрацию немецкого позора». Выступление Вальзера вызвало общественное недовольство и подверглось критике со стороны немецкой интеллигенции, политиков и даже президента ФРГ.

В первое время после Объединения писатели Восточной Германии характеризуют свое бывшее государство как тоталитарный режим, державший человека под постоянным контролем и не дававший ему высказывать свое мнение (К. Вольф. *Was bleibt?*, К. Хайн. *Der Tangospieler*). Показательно, однако, изменение тональности стихов Фолькера Брауна, оппозиционно настроенного в свое время к режиму ГДР. Горькой самоиронией пронизано стихотворение, написанное вскоре после объединения Германии: поэт ощущает себя как бы на захваченной, отчужденной и «колонизированной» территории:

Da bin ich noch: mein Land geht in den Westen.
KRIEG DEN HÜTTEN FRIEDE DEN PALÄSTEN.
Ich selber habe ihm den Tritt versetzt.
Es wirft sich weg und seine magre Zierde. <...>
Die Hoffnung lag im Weg wie eine Falle.
Mein Eigentum, jetzt habt ihrs auf der Kralle.
Wann sag ich wieder mein und meine alle.

Объявлен МИР ДВОРЦАМ, ВОЙНА ЛАЧУГАМ.
Страна на Запад сваливает цугом.
Я ей вдогонку сам всади́л пинка —
Униженно снимавшей украшенья. <...>
Ловушек много в вашем арсенале —
Как ловко собственность к рукам прибрали.
О личном — наше! вновь скажу едва ли [20, с. 110–111].

С течением времени образ ГДР получает более взвешенную оценку. От «остальгического» или резко негативного восприятия ГДР писатели переходят к объективному изучению этого исторического этапа, воздерживаясь от однозначных оценок, предоставляя читателям свободу

понимания. Литераторы отражают «меланхолическое» настроение жителей бывшей ГДР в объединенной Германии, не используя при этом штампы «коммунистическое общество» и «тоталитарный режим». В общественном и литературном сознании появляется термин «остальгия» (В. Земанн «Моя жизнь в караване» / *Mein Leben im Caravan*, 1992; А. Грешнер «Московское мороженое» / *Moskauer Eis*, 2000). Причины и основные этапы развития данного феномена одной из первых проанализировала М.С. Потёмкина [11]. Падение Берлинской стены было воспринято немецким сознанием как символ перемен и прощания со значительной частью прошлого (Т. Бруссиг «Солнечная аллея» / *Am kurzesten Ende der Sonnenalle*, 1999, И. Шульце. *Simple Stories*, 1998). Однако и спустя почти тридцать лет после Объединения всё еще нет оснований говорить о полном слиянии двух ментальностей. В этом смысле характерен образ добродушного и честного жителя бывшей ГДР в противопоставлении с образом беспринципного карьериста из бывшей ФРГ, становящегося лидером в объединенной Германии [17] (Й. Шпаршу «Комнатный фонтан» / *Der Zimmerspringbrunnen*, 1995, Г. Грасс «Мое столетие» / *Mein Jahrhundert*, 1999). Встает вопрос: «Наказание свободой или наказание тюрьмой – что хуже?» [21, с. 157].

Различие между двумя «типами» немцев также рассматривается в романе-автобиографии «Штемпель в свободный мир» (*Die Sache mit Tom – eine Flucht in Deutschland*, 2009) Р. Фрича – бывшего жителя ФРГ, который помог своему двоюродному брату сбежать из восточной зоны. Он переживал, что Запад может разочаровать Томаса, потому что в ГДР между людьми были более тесные и сердечные отношения, а в ФРГ жизненные установки ориентированы на материальное благополучие [15, с. 210]. Из романа мы узнаем, что в ФРГ не принято было произносить аббревиатуру ГДР, потому что «это равносильно официальному признанию ее [ГДР] как государства» [15, с. 205], и что в ФРГ было множество политических анекдотов на тему ГДР: «Почему мы называем наших советских товарищей "братьями", а не "друзьями"? Потому что друзей выбирают, а братьев нет» [15, с. 197].

Настроение героев в произведениях о жизни во время и после разделения Германии варьируется от доброжелательного, иронического, ностальгического до глубоко рефлексировующего, подавленного, растерянного. Яркий пример добродушной самоиронии и «остальгии» – повесть Т. Бруссига «Солнечная аллея», где желание молодежи в ГДР подражать западным тенденциям принимает легкую форму воспоминания о беззаботном времени, когда тайно слушали запрещенные песни группы *Rolling Stones*, мечтали о джинсах и «Кока-коле» и верили, что там, за «стеной» – жизнь, полная развлечений и удовольствий.

Настроение упадка, безнадежности и подавленности, порожденное новым государственным укладом, передано Ф.К. Делиусом в повести «Груши господина Риббека» (*Die Birnen von Ribbeck*, 1993) [10]. Автор, следуя традициям Т. Фонтане, делает акцент на описании пограничного исторического времени, но говорит не о разрушении дворянских

гнезд, а о распаде крестьянского быта, происходящем вследствие присоединения ГДР к ФРГ. Ра ссказчик находится в напряженном поиске себя, его беспорядочный поток мыслей — это разочарование ценностями Западной Германии. Интересно, что потомок Риббеков Фридрих фон Риббек счел книгу недостоверной, а героя-повествователя — пессимистом [29]. Таким образом, мы видим, сколь по-разному воспринимают Объединение различные социальные слои современной Германии.

В конце XX в. «восточные» писатели среднего поколения, как отмечает М. Потёмина [11, с. 241], еще не успели подвергнуть программному анализу феномен разделения Германии и последствия ее объединения. Только в XXI в. проблема поиска немецкой идентичности приобретает более значительное осмысление в художественной литературе (У. Телькамп «Башня» / *Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land*, 2008; Л. Зайлер «Крузо» / *Kruso*, 2014). Площадкой для интерпретации событий второй половины XX в. становится также и критика. В 2008 г. в Германии публикуется сборник статей «Память и идентичность: немецкая литература после Объединения», в котором над распространенной трактовкой немецкого воссоединения в очередной раз задумывается и Ф. К. Делиус [26, S. 351]. В 2017 г. выходит в свет книга немецкого литературоведа Д. Борхмайера «Что такое немецкость? Поиски собственной нации», где в парадигме от Гёте до Т. Манна автор анализирует, как менялась концепция немецкой идентичности, и прогнозирует, к чему приведет немцев ее поиск [24]. Коллективный двухтомный труд «История литературы Германии: XX век», подготовленный в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН, в том числе посвящен и исследованию проблемы национальной идентичности в Германии [6; 19, с. 298].

В статье У. Телькампа «Немецкий литературный вопрос. Чем была ГДР?» (*Die deutsche Frage der Literatur: Was war die DDR?*) [31] автор признает, что восточная часть разделенной Германии была «бумажной республикой» и «подкидышем», связанным с СССР невидимой «пуповиной», которая в умах немцев обозначалась как «дружба», и в то же время ГДР осталась хорошо продуманной мечтой и иллюзией. Образ Германской Демократической Республики как «голограммы» обыгрывается в произведениях «Необъятное поле», «Мое столетие» Г. Грасса, «Комнатный фонтан» Й. Шпаршу, «Солнечная аллея» Т. Бруссига, в поздних текстах К. Вольф, он остается актуальным в романах У. Телькампа и Л. Зайлера. И старшее, и младшее поколения немецких писателей XX—XXI вв. выражают идею иллюзорности ГДР, говорят о невозможности ее существования в условиях реальности. Утопичность политической платформы этого ушедшего в прошлое государства символически ярко показывает Бото Штраус. В его пьесе «Итака» нежизнеспособность утопичного «города-сада» обозначает падение декораций, изображающих цветущие сады старца Лаэрта.

Осмысливая судьбу искусственно созданной «нации ГДР», литература создает образ демократической Германии как «художественного проекта», огромной декорации («Гигантская кулиса, смешанная из па-

нельных домов и вилл» [27]), на фоне которой люди становятся марионетками, не способными найти собственный путь. Персонажи вынуждены играть определенные роли, чтобы остаться на подмостках демократической республики: скрывать под маской истинные чувства, эмоции. Герой либо отождествляется с этой маской, теряя свое собственное «я», либо, обретая себя, рискует стать изгоем (Я. Хензель «Дети Зоны» / *Zonenkinder*, 2002; И. Шульце «Адам и Эвелин» / *Adam und Evelyn*, 2008; Л. Зайлер «Крузо», У. Телькамп «Башня»).

Говоря о разделенной Германии, писатели прибегают к языку символов. В повести Й. Шпаршу знаком навсегда исчезнувшей ГДР становится комнатный фонтан «Атлантида». В повести Ф.К. Делиуса груша не только символ знатного рода Риббеков, но и знак единства нации, связующее звено между господином и народом. Л. Зайлер в романе «Крузо» неисчерпаемым смыслом наделяет радиоприемник «Виола», постоянно работающий у «отшельников ГДР» на волне Западной Германии. В романе У. Телькампа «Башня» символической функцией обладают часы (наручные, настольные, стенные, городские), становящиеся знаком неестественно, аномально текущего времени: «Страна болела редким недугом: люди смолоду становились старыми, молодые не хотели взрослеть, граждане жили в особых нишах, откуда вновь и вновь возвращались в государственное тело, которое управлялось старцами и пребывало в смертоподобном сне» [1, с. 20].

«Минуя границы» — сборник повестей, который объединяет писателей Восточной и Западной Германии, вспоминающих о том, что было во время раскола в ГДР и в ФРГ и как это повлияло на самоопределение немцев. Юлия Франк, немецкая писательница, решила соединить в этой книге новые взгляды на прошлое, разные субъективные точки зрения и таким образом прийти к истине. «Несмотря на то что авторы писали тексты независимо друг от друга, рассказы обнаруживают внутреннюю связь» [9, с. 18]. Вопрос «Где моя родина?» оказался для авторов сборника наиболее сложным. Среди живучих образов прошлого трудно оказывается найти целостное видение своей страны. Жители Запада с презрением относились к Восточной Германии, плохо или немодно одетого человека называли «осси», считали, что в Восточном блоке нечего есть. Среди жителей ГДР одни не переставали идеализировать коммунизм, другие — стремились к открытым границам, материальному благополучию, свободе слова. Но никто из них не стал счастлив, когда столкнулся с новой действительностью: одни убедились, что ГДР была утопией, другие, получив желаемое, не смогли реализовать себя из-за нехватки качеств характера, присущих западному менталитету. Особенно существенно возникшая пустота отразилась на ценностях и карьерных перспективах разочарованной молодежи восточной части Германии.

Объединение Германии можно сравнить с состоянием раздвоения личности, потому что ГДР и ФРГ развивались как две противопоставленные крайности одного целого. Сегодня, как констатируют исследо-

ватели и деятели культуры, сложно определить, какая составляющая немецкой ментальности имеет первостепенное значение. Немцам необходимо было, во-первых, избавиться от страха, чувства стыда и вины за нацистский режим, во-вторых, принять прошлое ГДР и ФРГ и, наконец, найти новый путь развития, проанализировав свою историю. Для множества немцев вопрос нации продолжает оставаться злободневным, он не столько объединяет, сколько разъединяет их. В связи с этим Кристиан Майер, мюнхенский историк, определяет немцев как «нацию поневоле» [5, с. 33].

Однако объединение ускорило поиск новых слагаемых немецкой идентичности и позволило Германии впервые за долгое время ощутить себя нацией в благоприятных условиях — в результате мирной революции 1989 г. и благодаря совпадению политического представления о себе как о государстве и культурного представления — как о нации [5, с. 37]. М. Вальзер через несколько дней после мирной революции отметил, что наступило счастливое время, поскольку немцы, уже считавшие себя невезучей нацией, впервые достигли успеха [24, S. 918]. Более того, объединение Германии успешно совпало с объединением Европы. Страна, которая долгое время была пересечена множеством границ, после объединения стала двигателем политических, экономических и общественных достижений, показывая пример другим странам. Этот парадокс немецкой истории еще в середине XX в. социолог Хельмут Плеснер охарактеризовал понятием «запоздавшая нация».

В результате исследования литературы объединенной Германии можно сделать вывод, что отличительной чертой современной немецкой идентичности является то, что она основывается на дегероизации и деидеализации прошлого. Принципиально важно, что в ФРГ и в ГДР отношение к нацистскому прошлому Германии было различным. В настроении жителей Западной Германии преобладали апатия и чувство вины, здесь придерживались позиции «жертвы» нацистского режима, писатели консервативных взглядов (Э. Кройдер, К. Эдшмид, Ф. Тисс) уводили читателей от проблематики современности. На это отреагировали немецкоязычные писатели, объединившиеся в «Группу 47»: их творчество, наоборот, нацеливалось на осмысление опыта нацистского прошлого, привлекало внимание к проблемам становления новой немецкой государственности. Попытки реваншизма «Группа 47» подвергала резкой критике (Г. Грасс, Г. Бёлль, В. Кёппен, В. Шнурре, М. Вальзер). Во многом благодаря творчеству «Группы 47» критика собственного прошлого в ФРГ стала объективным и естественным выражением рефлексии немецкого общества. Идентичность ГДР, в свою очередь, базировалась на представлении восточных немцев о себе как о «лучшей Германии», победившей фашизм (который не преодолен в ФРГ). Поэтому вопрос отказа или принятия, умалчивания или обсуждения нацистского прошлого также оказался преградой для формирования новой немецкой идентичности.

Оценка разделения и дальнейшего объединения Германии претерпела такую же сложную эволюцию, как и оценка нацистского прошлого.

В настоящее время количество художественных произведений, объективно прорабатывающих образ ГДР и последствия объединения, возрастает [2].

Особое отношение немцев к своей нации, в отличие от жителей других европейских стран, связано в том числе с исторически обусловленными особенностями их менталитета [23]. Немецкая черта, которая характеризуется выражением *In Ordnung*, подразумевает, что во всем должен быть порядок, и вопрос самоосознания в контексте мировой истории не становится исключением. Пока немцы находятся в поиске, они разгадывают тайну своей идентичности, рефлексиируют, вступают в полемику и освобождаются от мучительных вопросов, связанных с «преодолением прошлого», формируют новые национальные установки и ценности. Возможные ответы на вопрос «Что собой представляет немецкая идентичность?» в XXI в. приобретают более отчетливое звучание, но не сводятся к единому мнению. Писатели солидарны в том, что ценностные картины бывших жителей ГДР и ФРГ после объединения оказались глубоко различными, но многие начинают признавать, что это не является катастрофой, что немецкая идентичность — это совокупность противоположных ценностей и мировоззрений. «Различия в менталитете тех и других придают Берлину его необычную пестроту» [9, с. 227]. Процесс внутреннего объединения, в отличие от внешнего, и сегодня остается актуальным, для него недостаточно двадцати восьми лет. Плюрализм мнений в вопросе поиска новой немецкой идентичности подчеркивает неисчерпаемость заявленной темы.

Список литературы

1. Телькамп У. Башня. Истории с затонувшей земли. Отрывки из романа // Иностранная литература. 2009. №10. С. 9–79.
2. Бурханова (Мазенова) М. В. Образ ГДР и ФРГ в немецкой литературе на рубеже XIX–XX вв. // Бюллетень научных студенческих обществ ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Гуманитарные и социальные науки. 2014. №4. С. 66–69.
3. Грошева Г. В. К вопросу о периодизации процесса трансформации национальной идентичности в Германии второй половины XX–XXI вв. (по материалам российской историографии) // Сибирские исторические исследования. 2014. №1. С. 33–48.
4. Дани О. Нации и национализм в Германии 1770–1990. СПб., 2003.
5. Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. ст. М., 2011.
6. История литературы Германии XX века. Т. 1 : 1880–1945 : в 2 кн. М., 2016. Кн. 1.
7. Кауганов Е. Л. Содержание и динамика немецкой национальной идентичности после Второй мировой войны (1945–2000-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
8. Кирчанов М. В. Земля, кровь и память: баварский идентитет, немецкая идентичность и исторические исследования в Баварии (1928–1944 гг.) // Межвузовские научно-методические чтения памяти К. Ф. Калайдовича : сб. матер. Елец, 2006. Вып. 7. С. 213–223.
9. Минюя границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают. М., 2009.

10. Потёмкина М. Восточнонемецкий монолог в рассказе Ф. К. Делиуса «Груши Риббека» // Балтийский филологический курьер. 2013. №9. С. 92–96.
11. Потёмкина М. «Остальгия» в литературе объединенной Германии // Там же. 2007. №6. С. 237–249.
12. Потёмкина М. Феномен памяти в немецком литературоведении после 1989 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. №3. С. 50–57.
13. Потёмкина М. Что осталось от Берлинской стены? // Слово.ру: Балтийский акцент. 2010. Т. 1. №1–2. С. 108–115.
14. Степанова Е. Немецкая национальная идентичность: проблемы и противоречия. URL: <http://starovoitova.ru/rus/texts/06/books/etnich/!oglavlen.htm> (дата обращения: 18.01.2018).
15. Фрич Р. Штемпель в свободный мир // Иностранная литература. 2015. №4. С. 187–275.
16. Хабермас Ю. Границы неисторизма: беседа с Жаном-Марком Ферри // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2003. С. 85–91.
17. Чугунов Д. Чем же было это «прошлое»? (о феномене ГДР в немецкой литературе 1990-х годов) // Балтийский филологический курьер. 2007. №6. С. 225–236.
18. Шарытина Т. А. Европейское литературное сознание в поисках новой идентичности (по итогам конференции «Национальные коды в западно-европейской литературе XX и XXI веков») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. №3–1. С. 390–397.
19. Шарытина Т. А., Кудрявцева Т. В. К проблеме изучения немецкой идентичности в контексте европейской ментальности на рубеже XX–XXI вв. // Там же. 2015. №2–2. С. 296–303.
20. Шарытина Т. А., Кудрявцева Т. В. Проблемно-тематический комплекс «оси – веси» в литературе воссоединенной Германии (на примере поэзии 1990–2000-х годов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. №2. С. 105–118.
21. Шпаршу Й. Комнатный фонтан : роман. СПб., 2004.
22. Шульце П. Немецкий поиск национальной идентичности // Свободная мысль. 2007. №11. С. 177–184.
23. Щербакова А. В. Немецкий национальный характер в публицистической литературе Германии // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по матер. XXIX междунар. науч.-практ. конф. 2013. №10 (29). URL: <https://sibac.info/conf/philolog/xxix/34516> (дата обращения: 18.01.2018).
24. Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Hamburg, 2017.
25. Börsenverein des Deutschen Buchhandels (Hg.). Friedenspreis des Deutschen Buchhandels 1998, Martin Walser. Ansprachen aus Anlaß der Verleihung. Frankfurt a/M, 1998.
26. Gedächtnis und Identität: Die deutsche Literatur nach der Vereinigung. Königshausen u. Neumann, 2008.
27. Leier N. Wendeliteratur – Literatur der Wende? Der Mauerfall in ausgewählten Werken der deutschen Literatur // Deutschlehrtag der Académie Montpellier am 20. Januar 2010. S. 12–13.
28. Recasting German identity: culture, politics, and literature in the Berlin Republic / ed. by S. Taberner, F. Finlay. N. Y., 2002.
29. Zum Buch von Herrn Delius // Offizielle webseite Friedrich von Ribbeck. URL: <http://www.vonribbeck.de/html/kinder.html> (дата обращения: 16.05.2014).

30. *Straus B.* Ithaka. Schauspiel nach den Heimkehr-Gesängen der Odyssee. München, 1998.

31. *Tellkamp U.* Die deutsche Frage der Literatur: Was war die DDR? // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 16.08.2007. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/debatte-die-deutsche-frage-der-literatur-was-war-die-ddr-1460022.html> (дата обращения: 16.10.2014).

32. *Vergau J.* Aufarbeitung von Vergangenheit vor 1989 nach. Eine Analyse des Umgangs mit den historischen Hypotheken totalitärer Diktaturen in Deutschland. Marburg, 2000.

Об авторах

Мария Владимировна Мазенова — асп., Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия.

E-mail: maria.burhanova@yandex.ru

Татьяна Александровна Шарыпина — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия.

E-mail: swawa@yandex.ru

The authors

Maria V. Mazenova, PhD Student, N. Lobachevsky State University, Nizhni Novgorod, Russia.

E-mail: maria.burhanova@yandex.ru

Prof. Tatyana A. Sharypina, Lobachevsky State University, Nizhni Novgorod, Russia.

E-mail: swawa@yandex.ru